

**Библиофутурология. Будущее российской книжности.
Эскизный проект**

**Biblio-Futurology. Future of Russian Book-Learning.
Schematic Plan**

**Бібліофутурологія. Майбутнє російської книжності.
Ескізний проект**

А. В. Соколов

*Санкт-Петербургский государственный университет
культуры и искусств, Санкт-Петербург, Россия*

Arkady Sokolov

*St. Petersburg State University of Culture and Arts,
St. Petersburg, Russia*

А. В. Соколов

*Санкт-Петербурзький державний університет
культури і мистецтв, Санкт-Петербург, Росія*

Библиофутурология – комплексное межнаучное исследование, целью которого является определение социальной миссии книжной коммуникационной культуры в условиях глобального информационного общества. Жизнеспособность глобальной техногенной цивилизации зависит от обостряющегося противоречия между техническим могуществом и уровнем социального гуманизма. Государственные программы информатизации России страдают технократическим перекосом, потому что они не предусматривают достижения техно-гуманитарного баланса. Использование богатых гуманистических ресурсов российской книжности в интересах национальной безопасности России является социальной миссией библиотечно-библиографического института.

Biblio-futurology – is a complex integrated scholarly research aimed to determine social mission of books communication culture in terms of global informational society. Viability of global industrial civilization depends on increasing conflict between technological power and level of social humanism. State programs of informatization of Russia suffer from technocratic distortion as they do not plan to achieve techno-humanitarian balance. Use of rich humanistic resources of Russia is a social mission of library and bibliographical institute.

Бібліофутурологія – комплексне міжнаукове дослідження, метою якого є визначення соціальної місії книжкової комунікаційної культури в умовах глобального інформаційного суспільства. Життєздатність глобальної техногенної цивілізації залежить від протиріччя, яке загострюється між технічною могутністю та рівнем соціального гуманізму. Державні програми інформатизації Росії страждають технократичним перекосом, тому що вони не передбачають досягнення техно-гуманітарного балансу. Використання багатих гуманістичних ресурсів російської книжності в інтересах національної безпеки Росії є соціальною місією бібліотечно-бібліографічного інституту.

1. Предмет и главная задача библиофутурологии. *Библиофутурология* понимается как комплекс межнаучных исследований, объектом которых являются все отрасли книжной коммуникации (книгоиздание, книжная торговля, библиотечное дело, библиография, журналистика, архивное дело), обозначаемые собирательным термином «книжность». *Предмет* библиофутурологических исследований – перспективы существования книжности в условиях глобальной техногенной цивилизации XXI века. Техногенная цивилизация, основой и отличительной особенностью которой является машинная техника (индустриальная техносфера), сложилась в Западной Европе в эпоху становления капиталистических экономических и общественных отношений. Ей свойственны индустриализация, высокие темпы научно-технического прогресса, частная собственность и свобода индивидуального предпринимательства, политический либерализм, свобода слова и книжной коммуникации. Компьютерные и информационно-коммуникационные технологии в конце XX столетия обусловили перерастание западноевропейской индустриальной цивилизации в глобальную информационную цивилизацию, располагающую сетями электронной коммуникации.

Стремительная экспансия электронной коммуникации является вызовом традиционной книжности. Отсюда *главная задача* библиофутурологии – определение социальной миссии книжной коммуникации, оправдывающей её востребованность и жизнеспособность в глобальной информационной среде. При решении этой задачи необходимо учитывать, во-первых, кризисное состояние современной книжной коммуникации; во-вторых, объективно существующие тенденции развития индустриальной и постиндустриальной цивилизации; в-третьих, опасное обострение противоречия между техническим могуществом и уровнем социального гуманизма в развитых цивилизованных странах. Настоящая лекция носит постановочный характер и в качестве *эмпирической базы* использует российский библиотечно-библиографический социальный институт.

2. Кризис российской книжной коммуникации характеризуют следующие деструктивные явления:

2.1. *Дисфункция чтения.* В 2010 г. социологи чтения установили, что 20% россиян, будущих граждан информационного общества, не имеют дома книг, а доля «нечитателей», никогда или «очень редко» берущих в руки книги, составляет 35%¹. Все меньше и меньше книголюбов, проявляющих, как говорят, «рудиментарные интеллигентские читательские установки». Если дисфункция чтения будет усугубляться, то автоматически произойдет разбиблиотечивание страны. В самом деле, если русские люди перестанут читать книги, зачем содержать пустующие библиотеки? Боюсь, что уже сегодня очень немногие налогоплательщики встревожатся, если вместо филиала ЦБС на их улице появится частное Интернет-кафе.

2.2. *Сокращение книжного рынка.* Ежегодные отраслевые доклады Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям нельзя назвать оптимистическими. В 2010 году падение по числу выпущенных названий по сравнению с 2009 г. составило 4,6%, а по совокупному тиражу 8,8%². Книжную торговлю лихорадит. В 2009 году продажи падали в регионах при стабильном объеме книжных продаж в Москве; в 2010 г. наоборот: в регионах наблюдалась стагнация, а в Москве – резкий спад спроса на книги. В 2010 году продажи книг упали на 9%, а в 2011 г. на 7%. Зато выпуск электронных изданий и букридеров находится на подъеме, и по оценкам экспертов в ближайшем будущем может занять четверть книжного рынка.

2.3. *Свертывание библиотечных сетей.* Без официального афиширования, но достаточно последовательно в стране осуществляется политика свертывания библиотечных сетей. Испарились сети партийных и профсоюзных библиотек, серьезно пострадали отраслевые и территориальные системы научно-технических библиотек, продолжается демонтаж централизованных библиотечных систем³. Единственным крупным вкладом в библиотечное строительство является открытие в мае 2009 г. Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина. Эта Библиотека получила статус национальной электронной библиотеки и представляет собой типичный информаторий, располагающий информационным ресурсом в виде оцифрованных фондов архивных документов, изданий и мультимедийных материалов и предлагающий дистанционный доступ к этому ресурсу.

Руководствуясь принципом «адаптации культуры к рыночной экономике», Государственная Дума Российской Федерации последовательно проводит политику сокращения государственных затрат на содержание библиотек. Значительным шагом в этом направлении стал принятый в 2003 г. Федеральный закон о местном самоуправлении ФЗ 131, который возложил ответственность за библиотечное обслуживание населения на муниципальные власти – самую бедную и самую невежественную властную структуру. Не знаю, какую экономию государственному бюджету принес принятый в июне 2005 года ФЗ 94 «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», но известно, что он нанес серьезный ущерб комплектованию библиотек. Новым испытанием жизнеспособности библиотек стала 4-ая часть Гражданского кодекса РФ, защищающая авторские права, но не интересы читате-

¹ Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. М., 2010. С. 87.

² Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. М., 2011. С. 7.

³ Как сообщает сервер отраслевой статистики Минкультуры России, количество публичных библиотек отрасли в период 1995–2005 гг. уменьшилось с 50,1 тыс. до 48,1 тыс., а число читателей сократилось на 2 млн

лей, библиотек, национальной культуры. Еще одна «антибиблиотечная» акция – Федеральный закон от 8 мая 2010 года № 83 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений». Язвительный Сергей Басов охарактеризовал жанр ФЗ 83 как «государственную фантастику», поставившую целью «привлечь к чтению население за его же деньги».

2.4. *Депопуляция библиотечной профессии.* Библиотечная профессия всегда была уделом бесребреников и нестяжателей, способных, как отметил один интеллигент, «долго существовать при безденежье и не жаловаться на плохие условия труда». Вопрос о справедливой оплате библиотечного работника не ставился никогда. Зато профессиональная библиотечная мифология прославляла библиотекарей-подвижников, преданных служителей книги и бескорыстных руководителей чтения. Закономерным следствием стал кризис кадрового обеспечения. Библиотечно-профессиологическое исследование, проведенное нами в начале XXI века⁴, показало великолепных библиографов с пятидесятилетним стажем работы в библиотеке, энтузиастов-книжников предпенсионного возраста и катастрофический дефицит молодежи. Хуже всего, что только 4,0% выпускников высшей библиотечной школы планируют связать свою биографию с библиотечным делом, а 68,0% предпочитают частное предпринимательство вне библиотечно-информационной сферы. Вырисовывается кошмар «разбиблиотеченных» библиотек, то есть учреждений без книг, без читателей, без библиотекарей, но с вывеской «библиотека».

2.5. *Оскудение научной мысли.* Внимание библиотековедения, библиографоведения, книговедения сосредоточено либо на современных технологиях, либо на исторической фактографии. Слов нет, надо, необходимо заниматься этими проблемами. Однако технологи и историки не могут ответить на важнейший, экзистенциальный вопрос российской книжности: как сделать так, чтобы директора публичных и детских библиотек получали такое же государственное довольствие, как младшие лейтенанты вооруженных сил? Ведь совершенно очевидно, что именно позорная нищета профессиональных библиотекарей-библиографов – главная причина хронического кризиса российской книжности.

Наши ученые не занимаются библиофутурологией, они не решаются заглянуть в будущее российской книжности. Почему? Потому что страшно пережить футурошок – беспощадное столкновение с антикнижной бесчеловечностью. Мне тоже страшно. Но я все-таки рискнул обратиться к научно-футурологической литературе и обнаружил *четыре лика общества будущего*, всерьез обсуждаемые философами, экономистами, социологами: общество потребления, информационное общество, общество знания и общество риска. Каждое общество предлагает российской книжности различную судьбу. Библиофутурология не может не учитывать эти предложения.

3. Общество потребления представляет собой зрелое капиталистическое общество XX века, основанное на индустриальном производстве и рыночном обмене продуктов массового спроса. Полиграфическая книжность рассматривается как одна из отраслей производства, а книга как товар, имеющий рыночную стоимость. Особенность общества потребления заключается в навязывании людям виртуальных (фиктивных) потребностей, естественно им не свойственных. Реклама и мода побуждают обывателей приобретать не только экологически чистые продукты питания, фирменные джинсы, автомобили и коттеджи, но и произведения литературы и искусства. Неизлечимый порок общества потребления состоит в том, что в силу закона бесконечного роста потребностей наука и искусство превращаются в невольников платежеспособных амбиций и примитивных развлечений. Важно отметить, что уважаемые капиталистические демократии не забывали о благородных принципах эпохи Просвещения, о либеральных свободах и правах человека, поэтому они брали на себя содержание общедоступных публичных библиотек, которые выполняли *просветительскую* социальную миссию.

Современные экономисты (П. П. Мостовой и др.) склонны застойный социализм также считать обществом потребления. Однако социальная миссия советских библиотек была не либерально-просветительской, а идейно-воспитательной и заключалась в *коммунистическом воспитании*

⁴ Соколов А. В. Доживем до воскресенья (Перспективы библиотечной профессии в XXI веке) // Науч. и техн. б-ки. 2003. № 5. С. 5–24.

трудящихся. Подытоживая, можно сказать, что XX в. был золотым веком полиграфической книжности и эпохой расцвета библиотечно-библиографических институтов в индустриально цивилизованных странах, включая Советский Союз. Однако в конце столетия в обществе потребления произошла информационно-технологическая революция и приобрела популярность идея информационного общества.

4. Информационное общество давно стало ключевым словом на крымских конференциях, и по ежегодным докладам Я. Л. Шрайберга мы можем проследить победоносное шествие информационных технологий во всем мире, в том числе и в России. В 2010 г. Яков Леонидович отмечал: «Сегодня человечество находится на этапе перехода от индустриального общества к информационному. При этом мы отчетливо понимаем, что инновационная экономика еще для многих остается голубой мечтой, как и финансовое обеспечение науки, культуры и образования, внутри которых расположились плачущие от недостатка средств библиотеки»⁵. Почему библиотекари плачут? Дело в том, что глобальное информационное общество формируется на основе общества потребления. Всемирные рынки портативных компьютеров и мобильной телефонии ориентированы на удовлетворение не социальных коммуникационных потребностей, а изысканного комфорта продвинутых пользователей. Производящим информационную технику транснациональным корпорациям нужен не «человек-книголюб», а кредитоспособный *homo informaticus*. Отсюда – апологетическая мифология информационного общества, обслуживающая интересы информационных корпораций и технократически мыслящей государственной бюрократии. Один из излюбленных сюжетов этой мифологии – сказание об архаичности книги, чтения и библиотечного дела, которые якобы не соответствуют высоким информационным технологиям и должны занять свое место на свалке истории.

В течение последних двадцати лет в России объявлено на государственном уровне около десятка концепций, проектов, федеральных законов, стратегий, целевых программ, нацеленных на построение информационного общества. Программа «Информационное общество (2011–2020 годы)», принятая правительством страны в октябре 2010 г., является особенно впечатляющим выражением государственной политики в области информатизации российского общества. Задачи Программы сформулированы многообещающе: повышение качества жизни граждан и улучшение условий развития бизнеса; упрощение взаимодействия общества и государства; перевод государственных и муниципальных услуг в электронный вид; построение электронного правительства и повышение эффективности государственного управления; развитие телерадиовещания; развитие российского рынка информационных и телекоммуникационных технологий и т. д. Не забыто и библиотечное дело. Предусмотрено создание национального библиотечного ресурса с унифицированным каталогом на базе оцифрованных фондов Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина, библиотек государственных академий наук Российской Федерации, а также государственных и муниципальных публичных библиотек. В качестве контрольных показателей информатизации российских библиотек приняты:

– доля библиотечных фондов, переведенных в электронную форму в общем объеме фондов общедоступных библиотек должна составлять 50% к 2015 г. и не менее 75% к 2020 году;

– доля библиотечных фондов, внесенных в электронный каталог, в общем объеме фондов общедоступных библиотек должна составлять 100% к 2015 г.

Гарантией неуклонного выполнения Государственной программы РФ «Информационное общество (2011–2020 годы)» служит внушительное финансовое обеспечение. В общей сложности из средств федерального бюджета, из бюджетов субъектов РФ, из внебюджетных источников планируется собрать 3788 млрд. рублей в ценах соответствующих лет. Если обратиться к разработанным Министерством финансов РФ «Основным направлениям бюджетной политики», можно установить, что десятилетние расходы на культуру и кинематографию будут составлять около 740 млрд. руб., на здравоохранение — не более 4000 млрд., на образование — около 5000 млрд. рублей.

⁵ Шрайберг Я. Л. Первое десятилетие информационного века: влияние информационно-электронной среды на роль и позицию библиотек в развивающемся обществе. Ежегодный доклад Конференции «Крым». Год 2010. М., 2010. С. 13.

Таким образом, на построение информационного общества планируется направить заметную долю государственных средств.

Спрашивается, какую миссию должны выполнять библиотеки в грядущем информационном обществе? Считается, что обществу, именуемому «информационным», потребуются главным образом информационные услуги, состоящие в оперативном, релевантном, желательно, – рентабельном удовлетворении информационных запросов, поступающих от потребителей. Вместо субъект-субъектного диалога, свойственного библиотечному просветительству, возобладает клиент-ориентированное обслуживание, означающее субъект-объектное отношение, где роль управляющего субъекта играет клиент (клиент всегда прав!), а библиотекарь становится управляемым медиатором, которого в будущем заменит интеллектуальный робот. Библиотека, вооруженная компьютерной техникой, оцифрованным фондом и доступом в Интернет, трансформируется в информационный супермаркет, предлагающий товары на любой вкус. Отсюда энтузиасты-технократы делают вывод, что глобальной информационной цивилизации неинформатизированные библиотеки не нужны, бесполезны и обременительны. Именно эта точка зрения воплощена в Государственной программе «Информационное общество (2011–2020)». Однако, может быть, книжность понадобится обществу знания – другому лику техногенной цивилизации?

5. Общество знания. В 2005 г. был обнародован Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания»⁶, главная идея которого выражена в названии главы 1 «От информационного общества к обществам знания». В докладе говорится: «формирующееся глобальное информационное общество обретет свой смысл только в том случае, если станет инструментом для достижения более возвышенной и желанной цели – создания в глобальном масштабе общества знания, которое стало бы источником развития для всех стран и, в первую очередь, для наименее развитых» (с. 29). Авторы доклада отрицают «логику узко-технологического детерминизма» и связывают свою концепцию не только с достижениями технологии, но и с «более широкими социальными, этическими и политическими параметрами». Они исходят из постулата, что информация – «инструмент знания, но сама по себе знанием не является», поскольку информация является товаром, который «покупается и продается на соответствующем рынке», а знание – «общественное достояние, которое должно быть доступно для каждого». Информационные и коммуникационные технологии создают новые возможности для распространения знаний, но, – предупреждают они, – «нам предстоит пройти долгий путь от формирования мирового информационного общества к настоящим обществам знания».

Гуманистическая позиция авторов доклада проявляется в следующих моментах. Во-первых, общество знания мыслится как глобальное и сетевое, но не допускающее насаждаемую машинными технологиями унификацию образа жизни и мышления. Необходимо сохранить многообразие и многоязычие народных культур. Именно поэтому в докладе говорится не об одном, эталонном «обществе знания», а о многих «обществах знания», каждое из которых «располагает собственными преимуществами». Во-вторых, озабоченность духовным развитием индивидуальной личности: «В обществах знания каждый человек должен уметь свободно ориентироваться в потоке информации, который нас захлестывает, и развивать когнитивные способности и критический ум, чтобы отличать полезную информацию от бесполезной». Отсюда девиз «образование для всех на протяжении всей жизни». В-третьих, ликвидация социального и международного неравенства в доступе к знаниям. Причем авторы отдают себе отчет, что «большинство населения мира, прежде всего, испытывает нужду в книгах, школьных учебниках и острейшую нехватку преподавателей, а уж потом нуждается в компьютерах и доступе к Интернету». В-четвертых, обеспечение социальной интеграции, поощрение социальной активности граждан общества знания и утверждение «унаследованных от века Просвещения прав человека», включая «свободу выражения мнения», свободу информации, право на бесплатное базовое образование, право «свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами». В-пятых, «чрезмерная коммерциализация знаний» рассматривается как серьезная угроза для глобального общества. Авторы убеждены, что «знание не может рассматриваться как обычный

⁶ К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж : Изд-во ЮНЕСКО, 2005. 229 с.

товар». Поэтому «политики и руководители должны обратить пристальное внимание на нынешнюю тенденцию к приватизации систем высшего образования и их интернационализации».

Доклад «К обществам знаний» представляет собой авторитетную, но все-таки частную интерпретацию грядущего лика глобальной техногенной цивилизации. Вряд ли проект общества знаний, представленный в докладе и носящий рекомендательный характер, удастся реализовать в полной мере. Значение доклада, на мой взгляд, заключается не только в том, что он привлек внимание мирового сообщества к перспективам дальнейшего развития информатизации и стимулировал дискуссию вокруг сути «общества знаний»⁷. Более важным, чем схоластические споры, представляется гуманистический пафос доклада, соответствующий, концепции «планетарного гуманизма», развиваемой ЮНЕСКО. Авторы доклада пытаются преодолеть технократическую односторонность, которой страдает большинство публикаций об информационном обществе. Они не сбрасывают со счета традиционные книжные коммуникации, хотя и не касаются вопроса о сочетании их с цифровыми информационными сетями. Их беспокоит неконтролируемое использование знаний, которое может привести к «непредвиденным и неведомым прежде осложнениям». Поэтому особая глава «Риски и гуманитарная безопасность в обществах знания» посвящена в докладе ЮНЕСКО возникновению так называемого «общества риска».

6. Общество риска привлекло внимание мировой научной общественности после выхода в свет книги немецкого социолога *Ульриха Бека* (род. 1944) «Общество риска. На пути к другому модерну»⁸. Современная техногенная цивилизация, по мнению У. Бека, переживает переход от индустриального общества к «обществу риска». Источниками рисков являются «индустриальные, то есть технико-экономические решения и соображения полезности», которые растут «с благословения и при гарантиях закона и социального порядка». Знание и риск взаимосвязаны, поскольку знания могут приносить и добро, и зло (вспомним слова Екклесиаста «умножая познание, умножаем скорбь»). Поэтому справедливо суждение, что идея общества риска является обратной стороной концепции общества знания.

Угрожающими существованию человечества рисками занимается *глобалистика* – «наука, изучающая наиболее общие закономерности развития человечества в реальных условиях Земли с конечными физическими размерами и ограниченными природными ресурсами в наступившую эпоху антропогенно перегруженной планеты»⁹. Традиционными предметами изучения глобалистики являются: преодоление экологического кризиса; борьба с голодом, нищетой и болезнями; освоение мирового океана и космического пространства; сохранение мира и т.п. В последнее десятилетие статус глобальных проблем приобрели международный терроризм и торговля наркотиками¹⁰.

Еще одной глобальной проблемой современного человечества становится непосильное бремя информации. Неизвестно, как смягчить противоречие между чудовищными информационными потоками и ограниченными возможностями индивидуального восприятия информации. Подсчеты специалистов в 2007 году, учитывавшие цифровую информацию, зафиксированную в компьютерах, DVD, книгах, рекламных материалах и других документах, показали, что человечество хранит 295 экзабайт информации (экзабайт = 10^{18} байт). Если перевести эту информацию в книжный формат, то можно покрыть территорию США или Китая 13 слоями книг¹¹.

Россия давно уже находится в зоне риска, и риска, надо признать, весьма опасного. В конце прошлого века вдумчивый философ Мераб Мамардашвили написал, выражая общую обеспокоенность российской интеллигенции: «Я боюсь, что современная Россия становится зоной антрополо-

⁷ См., например: Ефременко Д. В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // *Вопр. философии*. 2010. № 1. С. 49–61; Опенков М. Ю. Хакни будущее: введение в философию общества знаний : курс лекций для философских факультетов. М. : МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. 128 с.; Плотинский Ю. М. Проблемы развития общества знаний: социокогнитивный подход // *Информационное общество*. 2008. № 5/6. С. 43–50.

⁸ Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 298 с.

⁹ Федотов А. П. *Глобалистика: начала науки о современном мире* : курс лекций. М. : Аспект Пресс, 2002. С. 219.

¹⁰ Родионова И. А. *Глобальные проблемы человечества*. М. : Аспект Пресс, 1995. 159 с.; Тураев В. А. *Глобальные вызовы человечеству*. М. : Логос, 2002. 192 с.

¹¹ *IT. Community* [Электронный ресурс]. URL: <http://it.icmp.ru/post/view/6889/>. (дата обращения 02.05.2012).

гической катастрофы, ибо слишком явственно проступают в её лике симптомы дегуманизации»¹². Российским недугам посвящен необозримый массив официальных, публицистических, политических, научных, философских, футурологических и прочих публикаций, в которых пестрят термины «депопуляция», «деградация», «обнищание», «деиндустриализация», «дискредитация идей свободы и демократии», «криминализация», «коррупция», «беззащитность», «дестабилизация», «бездуховность», «обман, предательство, бесстыдство» и другие, сравнительно недавно не отличавшиеся высокой частотностью в русском языке. В феврале 2012 г. Андрей Кончаловский обнародовал свой блог, который он назвал «Ужаснись сам себе!». Он приводит страшную статистику, отражающую деградацию русского народа. Согласно данным Института демографии Высшей школы экономики, в 2011 г. в России было зарегистрировано 2,4 млн преступлений, погибло более 30 тысяч человек и около 40 тысяч получили тяжкий вред здоровью. В местах лишения свободы на начало 2011 г. содержалось 819 тыс. человек, в том числе 8,8 тыс. несовершеннолетних¹³.

Растет социальное расслоение и ужесточается межэтническая вражда. У нас очень мало социально ориентированных предпринимателей, умных и деловитых чиновников, нет цивилизованного гражданского общества и авторитетной власти, пользующейся доверием населения. Имитация демократии и либерализма оборачивается апатией, аморальностью, беззаконием, социальной дезинтеграцией. Совесть, стыд, милосердие, альтруизм, интеллигентность – старомодны и неактуальны. Я не могу назвать современное российское общество ни обществом потребления, ни информационным обществом, ни обществом знания. Мы живем в обществе риска дегуманизации. Дегуманизация, то есть утрата облика человеческого, не только отвратительна, но и опасна. Дегуманизованная, одичавшая техногенная цивилизация нежизнеспособна, поэтому риск дегуманизации представляет собой прямую угрозу национальной безопасности страны. Почему?

7. Национальная безопасность и техно-гуманитарный баланс. Главным противоречием техногенной цивилизации является несоответствие мощи техники и уровня социального гуманизма. Еще *Жан-Жак Руссо* (1712–1778) в трактате «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» (1750) пришел к выводу: «наши души развратились по мере того, как шли к совершенству наши науки и искусства»¹⁴. Техногенное могущество нуждается в гуманистическом противовесе. Философ-антрополог *Акоп Назаретян* вывел закон *техно-гуманитарного баланса*: «чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные механизмы сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества»¹⁵. Вследствие этого закона *гуманизм жизненно важен для устойчивого развития техногенной цивилизации*. Не случайно в наши дни гуманизация различных видов человеческой деятельности и общественных отношений стала одной из популярных и широко обсуждаемых проблем. Гуманизация (гуманитаризация) образования волнует педагогов; экономисты обсуждают гуманизацию организации труда на предприятиях; в юриспруденции выдвигаются проекты гуманизации уголовного законодательства; архитекторы разрабатывают методы гуманизации строительства; философы-гуманисты призывают современное общество гуманизировать социальные отношения и рассматривать человека как цель, а не как средство. Во многих странах, в том числе и в России, учреждаются добровольные гуманистические ассоциации и союзы, пытающиеся уразуметь сущность современного гуманизма. Мировое сообщество начинает понимать, что в эпоху глобальных кризисов и конфликтов идеи гуманизма приобретают первостепенное значение. Правда, о российской политической элите я этого сказать не могу.

Нашим законодателям невдомек, что национальная книжность располагает не только информационными, но и гуманистическими ресурсами. Только опираясь на гуманистические ресурсы книжности, можно преодолеть недуги дегуманизации и социальные пороки, включая алкоголизм, наркоманию, преступность. Нужно понимать, что в конечном счете для российской нации хоро-

¹² Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2011. С. 25.

¹³ Российский демографический барометр // Демоскоп weekly. № 505/506. 2–15 апр. 2012.

¹⁴ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М. : Наука, 1969. С. 14.

¹⁵ Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. (Синергетика, психология и футурология). М. : Пер Сэ, 2001. С. 96.

ший библиотекарь или учитель важнее, чем хороший полицейский или чиновник. Однако, вероятно, не случайно у нас нет ни федеральных законов, ни целевых программ, ни политических концепций, ни стратегических планов, где звучала бы обеспокоенность судьбами книги, чтения, российской книжной культуры. Напрашивается безрадостный вывод, что наши государственные деятели представляют будущую Россию как общество *нечитающее и бескнижное*, которому нужны информационные услуги, а никак не книжная культура, библиофильство, филология и прочие реликты книжности.

К сожалению, многие (далеко не все!) лидеры нашего библиотечного дела послушно и нерасчетливо (боюсь сказать «самоубийственно») следуют в русле технократического понимания социальной миссии библиотек в информационной среде, которое, по сути дела, лишает библиотечно-библиографический институт перспектив самостоятельного существования. Они осознают только выраженные в запросах информационные потребности своих клиентов, и с целью наилучшего их удовлетворения компьютеризируют, информатизируют, модернизируют свои библиотеки. При этом упускается из виду гуманистический потенциал книжности и забывается, что библиотека не только и не столько информационная служба, сколько гуманистический центр книжной культуры и свободного общения людей. Меня мучает вопрос: если, как предусмотрено Государственной программой «Информационное общество (2011–2020)», будут оцифрованы фонды всех публичных библиотек, каждая библиотека обретет электронный каталог и безлимитный доступ в Интернет, то уменьшатся ли риски дегуманизации российского общества? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к содержанию библиофутурологии, которое пока никому не известно. Я могу предложить только эскизный проект библиофутурологического исследования.

8. Эскизный проект библиофутурологических исследований. В практике технического проектирования эскизный проект понимается как совокупность принципиальных конструктивных решений. В нашем случае конструктивных решений пока нет. Мой эскизный проект мыслится как перечень принципиально важных проблем, требующих решения для определения будущего российской книжности. Полагаю, что заслуживают первоочередного исследования следующие проблемы:

А. Библиотечный гуманизм и гуманистическая миссия библиотек в глобальной техногенной цивилизации. Я могу предложить следующее определение: *библиотечный гуманизм* – такая система профессиональной библиотечной деятельности, когда библиотека представляет собой рационально и эстетически обоснованный социально-культурный центр гуманистической книжности со свободным доступом к его документным фондам локальных и удаленных пользователей и диалоговым субъект-субъектным общением читателей и сотрудников библиотеки. Обоснование гуманистической миссии библиотек требует специального рассмотрения, которое я собираюсь сделать в докладе на секции «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение, которой руководит Ю. Н. Столяров.

Б. Книжная культура в эпоху технократической глобализации. Технократическая глобализация включает не только информационные сети над государственными границами, но и распространение унифицированных культурных образцов во всемирном масштабе. Прогресс человеческой культуры нуждается в опоре на самобытную «цветущая сложность» национальных культур. Ядром культурного наследия нации и гарантом сохранения его своеобразия всегда служила национальная книжность. Продолжит ли она свое служение в будущем?

В. Информационные технологии как средство гуманизации общества. Информатизация общества не может быть самоцелью. До сих пор стимулом для совершенствования информационных технологий служили корыстные интересы капиталистических корпораций или нужды государственного управления, что способствовало дегуманизации общества. Может ли гуманизация общества стать целью научно-технологического прогресса?

Г. Библиозотерика, или магия книжности. Если под *магией* понимать неотразимое воздействие на человека таинственной (рационально необъяснимой) силы, то можно обнаружить магию книжности, так же как магию Интернета. Магия книги заключается в том, что она содержит часть духовности своего автора, которая взывает к духовности читателя. По-видимому, явление библиофильства (не обязательно – коллекционирование книг) имеет рационально неосознаваемые мотивы.

вы. Одна из проблем библиоэзотерики: как повлияет оцифровывание текстов на магическую составляющую книжности?

Д. Библиополитэкономика нам нужна для того, чтобы добиться достойного вознаграждения библиотечного труда. Профессиональный библиотекарь должен иметь жалование, не меньшее, чем клерк в Сбербанке России, а руководители крупных библиотек должны получать бонусы на уровне управляющих частными банками. Мы находимся в критическом положении: либо библиотечные работники будут избавлены от унижительной нищеты, либо к 2020 г. библиотечная профессия сойдет на нет. В последнем случае дегуманизация российского общества усилится еще больше, и тупые чиновники, не желавшие платить достойную заработную плату учителям и библиотекарям, будут содержать дорогостоящих полицейских и частных охранников, чтобы защититься от кроважанных воров в законе. Следует признать, что никто не позаботится о библиотекарях, если они сами о себе не заявят. Каким образом?

До сих пор библиотеки позиционировали себя как беспартийные учреждения, гостеприимно принимающие все партии. Такая позиция привела к тому, что в выборных структурах власти от муниципалитетов до Государственной Думы никогда не было представителей библиотечного сообщества, которые отстаивали бы интересы библиотек. Поэтому библиотекари всегда были в роли просителей, которые досаждают властям своими жалобами. Библиополитэкономика подсказывает, что нужно создавать свою политическую партию и делегировать во все органы власти энергичных интеллигентов-книжников, которые сумеют объяснить Правительству и Президенту, что выбор состоит в том, что строить: библиотеки или тюрьмы, что процветающие силовые структуры – это свидетельство уродства техногенной цивилизации и прочие гуманистические истины.

Я назвал только некоторые, как мне кажется, особо актуальные проблемы. Предложенный перечень служит первым приближением к определению содержания библиофутурологии, он является предварительным и открытым, то есть должен дополняться, корректироваться, детализироваться. Глубинный смысл моего выступления состоит в следующем. *Мы живем в обществе риска, а российская книжность находится в зоне повышенного риска. Риск – всегда неопределенное будущее. Нам нужны библиофутурологические исследования для того, чтобы эту неопределенность уменьшить.*